

СЛАВЯНСКИЙ РЕФЛЕКСИВНЫЙ ИМПЕРСОНАЛ: К ПРОБЛЕМЕ ОПИСАНИЯ ЗНАЧЕНИЙ

А.А.Градинарова

София, Болгария

Summary: In the present article the author makes use of 19th century language material from Russian, as well as contemporary data from a language related to Russian, namely Bulgarian, with the aim of studying the *X-y P-ся* construction on a wider plane and searching for answers to some questions concerning the description of the semantics of the Slavic reflexive impersonal construction.

0. В последние годы в связи с интенсивными поисками и описанием этноспецифического языкового материала, создающего особый облик различающихся по языкам картин мира, в фокус исследований регулярно попадают русские безличные модели. Особый интерес среди них, безусловно, представляет рефлексивный имперсонал с дательным субъекта: *Мне легко дышится; Ему хорошо работается; Как вам живется?; Ей не спится* и т.п.

Отсылая читателя к работе Ю.Д.Апресяна «Основания системной лексикографии» [Апресян 2006], содержащей ссылки на наиболее авторитетные описания специфики этой модели, отметим, что с ней все еще связаны некоторые не решенные до настоящего времени вопросы.

Предложенный Ю.Д.Апресяном современный лексикографический портрет конструкции *Мне (хорошо) работается* и строгая фиксация элементов ее семантики [там же: 36-39] вывели за пределы модели целый ряд аналогичных или похожих по структуре образований. Естественно, что конкретизация семантики конструкции могла быть только следствием ограничения ее границ рамками построений с глагольными предикатами, имеющими строго определенную таксономическую характеристику. Как пишет Ю.Д.Апресян, «можно достаточно определенно указать факторы, ограничивающие продуктивность конструкции. Идеальным материалом для нее являются основы глаголов со значением занятий (*Мне сегодня отлично работается <поется, пишется>*, *Нынче другу елось славно / И еще славнее пилося* (И.В.Гете, Западно-восточный диван, пер. М.Кузмина)), процессов (*Мне здесь хорошо <легко> дышится <спится>*) и деятельностей (*Как вам путешествуется <воюется>?*)» [там же: 37-38].

Важной структурной особенностью описываемой Ю.Д.Апресяном конструкции является имеющаяся в ней позиция оценочного атрибута (*хорошо, плохо, легко, тяжело* и под.). Атрибуты со значением 'плохо' или отрицание элиминируют смысл 'особая предрасположенность к действию', «*X-y сегодня не работается* и *X-y плохо работается* почти сино-

нимы»¹, а атрибуты со значением ‘хорошо’ «тоже не создают нового смысла, а лишь усилива[ю]т уже имеющийся смысл ‘хорошо, легко’» [там же: 38].

Лексикографическое толкование конструкции получило следующий вид: «*X-у P-ся* = ‘X делает P [пресуппозиция]; X находится в таком внутреннем состоянии, когда P не требует от него больших усилий [ассерция]; по мнению говорящего, это состояние возникло не потому, что X этого хотел, а в результате действия какой-то неопределенной и не зависящей от X-а силы’ [модальная рамка]» [там же: 39].

От описанной модели были отграничены «другие синтаксические конструкции» типа «*Мне думается, что это ненадолго, Ей хотелось пить, Ему слышались какие-то звуки*, с глаголами, обозначающими ментальные, волевые или физические состояния», а также типа *Мне взгрустнулось* (с предикатами совершенного вида). Образования с отрицанием перед глаголом положения в пространстве (*И чего тебе не сидится?, Ему не стоялось на месте*) признаны конструкциями, в которых «глаголы сливаются с отрицанием в единое целое и образуют фразему» [там же: 38].

Структуры типа *Мне думается, что..., Ему слышались звуки песни* достаточно далеки от описываемой конструкции даже в формальном плане, так как в силу наличия пропозиционального подлежащего они не безличны. Разграничение же конструкций типа *Ему не работается* и *Ему не сидится*, проводимое в связи с необходимостью формализации семантики языковых единиц и адекватного описания синтаксических структур на современном синхронном срезе, могло бы, очевидно, получить дополнительную аргументацию при привлечении к рассмотрению фактов истории языка и данных других славянских языков.

В настоящей статье мы обратимся к русскому языковому материалу XIX века, а также к современным данным родственного русскому языку болгарского языка с тем, чтобы рассмотреть конструкцию *X-у P-ся* на более широком фоне и поискать ответы на некоторые вопросы, связанные с описанием семантики славянского рефлексивного имперсонала.

1. Для русского литературного языка конца XVIII – первой половины XIX века был характерен интенсивный процесс формирования и упорядочения разнообразных структурно-семантических типов безличных моделей [Шведова 1964]. Значительное место среди этих моделей занимали конструкции с глаголами, имеющими возвратный аффикс *-ся* и коррелирующими с невозвратными глаголами [Буслаев 1959: 381; Шведова 1964: 267-275]. В этот период русский рефлексивный имперсонал выражал целый комплекс модальных, оценочных и результативных значений, связанных с семантикой предиката и поддерживаемых контекстом. В качестве основного иллюстративного материала будут использованы конструкции,

¹ Как кажется, для конструкции с рефлексивом *спится* это утверждение нуждается в дополнительной аргументации. Структура с отрицанием *X-у не спится*, в отличие от *X-у плохо спится*, не только не имеет пресуппозитивного компонента ‘X делает P’, но, очевидно, не обязательно должна включать и компонент ‘X пытается сделать P’.

извлеченные нами из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. Даля [Даль 1978].

Конструкция *X-у P-ся*, получившая семантическое толкование в [Апресян 2006], в описываемый период была трудно отличима от подобных ей в структурном отношении построений. От основ глаголов с таксономической характеристикой *занятия, деятельности, процессы, состояния* очень активно образовывались структуры рефлексивного имперсонала с дательным субъекта и оценочным компонентом. Приведем здесь только часть содержащегося в словаре Даля материала.

(1) Конструкции, образованные от основ предикатов со значением занятий и деятельностей: *Плохо вербуется; Каково ехалось, ездилося?; Каково заседается?; Каково тебе извозничается?; Ладно ли калякается, каково беседуется?; Ему плохо княжилось; Плохо ковыляется; Каково колесилось вам?; Каково костыляется?; Хорошо ли кочуется вам?; Каково кулачится?; Каково маклачится, маклюется, маклыжится?; Каково мужичается?; Каково мукомолится? – «Без ветру, плохо!»; Плохо мясничается, скот дорог; Ему как-то легко наветничается, словно совесть не корит; Каково пируется?; Так и сяк пливается; Каково ползется?; Каково работается?; Таково-то ли работается, каково куликается?; Веселей птахе в лесу распевается, чем в золотой клетке!; Каково служится?; Каково соперничается?; Каково вам точется?; Каково хозяйничается?; Каково шутится?*

Как видно из примеров, знаменитый смысл «особой внутренней предрасположенности субъекта к действию», возникшей вследствие воздействия «какой-то неопределенной» силы, не является инвариантным для всех приведенных конструкций. Значение состояния, диктуемое безличной моделью с позицией дательного субъекта, и успешность или неуспешность деятельности для предложений типа *Плохо вербуется; Плохо мясничается; Каково мукомолится?; Каково ехалось?; Плохо ковыляется* и под. интуитивно трудно связать с влиянием неопределенной и неопознанной силы, тем более при наличии в контексте указаний на внешние причины успешности или неуспешности деятельности субъекта: *плохо мясничается* – так как «скот дорог»; *плохо мукомолится* – потому что «без ветру».

Инвариантным модальным смыслом для всех приведенных выше конструкций, очевидно, является ‘независимость ситуации от воли субъекта’.

Позиция субъекта закономерно оставалась незаполненной при его референциальной обобщенности, поддерживаемой обстоятельствами со значением времени, условия, места, инструмента/ средства. См. у Даля: *Ныне плохо колдуется; Ныне плохо мызничается; Не всегда легко наступается; Не всегда легко нападается; Не всегда удачно наскакивается; Не всегда удачно лукавится; Плохо начальствуется без помощников; Без хлеба плохо хрястается; В сякоть плохо лазится по горам; В тесноте плохо лавируется; За хорошим столом хорошо поедается; В тиши и в глуши свободнее умствуется; Тут плохо съезжается; На счетах легче складывается; На умах не смекнешь, на счетах вернее мекается; Воценой ниткой лучше стегаются, сукрутин нет.*

Обратим внимание на то, что во многих контекстах указаны внешние обстоятельства, влияющие на успешность/ неуспешность деятельности субъекта. Показательны в этом отношении также толкования Даля: «*Ныне плохо мызничается, невыгодно*»; «*Тут плохо съезжается, плохой съезд*»; «*В тесноте плохо лавируется, трудно лавировать*» и под.

Обобщенный субъект не получал выражения и в сложных предложениях, описывающих сопоставляемые ситуации. У Даля: *Легко клеветается, не легко отвечается; Легче подражается, чем создается; Весело поется, весело и прядется*. Такие структуры были особенно близки к конструкциям субъектного имперсонала, вообще не имеющим позиции дательного субъекта (о субъектном имперсонале см. ниже).

К образованию конструкции субъектного имперсонала может привести замена датива, специализированного на выражении состояния лица, у-локализатором. См. в словаре Даля: «*Каково у вас неводится, каково рыба ловится?*».

(2) Конструкции, образованные от основ предикатов со значением процессов и состояний: *Кряхтя живетса; Каково живетса, можетса, таково и спитса; Весело живетса, грустно умираетса; Каково поживаетса?; Каково здесь обитаетса?; Хорошо ли квартируется в этой губернии?; Каково стоитса в деревне?* (толкование Даля: «на постое, хорошо ли стоять»); *Каково дышитса?; Под шумок лучше спитса; Каково вам спалось, ночевалось?; Каково здесь опочиваетса?; Каково сопитса?* (толкование Даля: «спитса»); *Каково кашляетса?; Ну что, брат, ожил ли? «Нет, плохо оживаетса»; Легко привыкаетса, тяжело отвыкаетса; Сам друг легче тужитса*. См. также пример из Национального корпуса русского языка (далее НКРЯ): Река бежит весело, шая и играя; она <...> чуть-чуть ползет по камешкам, выпуская из себя по сторонам резвые ручьи, *под журчанье которых сладко дремлетса* (И.А.Гончаров, Обломов).

В рассматриваемый период русский рефлексивный имперсонал без оценочного компонента был перегружен значениями.

Определенная часть таких построений являлась речевой реализацией описанной в [Апресян 2006] конструкции. См. неотрицательные предложения у Даля: *Вшагаешьса, так идетса; Что-то мне тоснетса* («Тоснутса <...> тосковать, скучать»); *Видно, ему сегодня хныкаетса, хнычетса; Ему что-то негодовалось тогда на меня*. Ср. с основной глагола поведения: «*Сегодня детям весь день шалитса, такой стих нашел*». См. также пример из НКРЯ: «И вы никогда не скучаете?» – спросила Женни. – «Чего скучать, надо Богу молиться, а не скучать». – «*Иногда против воли скучаетса*» (Н.С.Лесков, Некуда) и под. Особенно распространены были отрицательные реализации без оценочного компонента. В словаре Даля: *Что-то не рифмуется, не пишутса, не сочиняются стихи; Не звенитса моему колокольчику, плохо звенит; Не ходитса, плохо ходитса, нельзя, трудно, дурно ходить; Мне что-то не естса сегодня, плохо естса, не могу есть, неможетса; Что-то нонче не обедаетса, не естса, не хочется; Не живетса, так и не спитса; Не живетса мне здесь, как не жилось и инде*. См. также примеры из [Шведова 1964: 274-275]: *Посреди постоянных занятий*

как-то не скучалось (А.Ф.Вельтман); *И как-то не шагалось мне В всезрящей этой тишине* (Н.Некрасов).

Следует уделить особое внимание отрицательным конструкциям с предикатами, образованными от глаголов положения в пространстве. См. у Даля: *Ему не сидится*, не может спокойно сидеть, заниматься делом; *Дома не сидится, а в гости не зовут*; *Весною не сидится за работой*; *Ему не стоит*, не может стоять, не постоит. Хотя наш материал, относящийся к рассматриваемому периоду, не содержит примеров использования рефлексивных дериватов от этих глаголов в неотрицательных конструкциях и конструкциях с оценочным компонентом, это не означает, что такие построения действительно не были возможны. НКРЯ располагает следующим примером: *А у меня зна-ка: на божнице! Спится да ложится спокойно!* (С.А.Клычков, Князь мира, 1927). Интересен тот факт, что в современном языке, вопреки сомнениям, высказанным в [Апресян 2006: 38]², довольно широко используются не только предложения с отрицанием, но и конструкции с оценочным компонентом. См. в НКРЯ: *Просто здесь хорошо сидится*. Безлюдно, тихо, задумчиво (Ю.Буйда, Рассказы о любви); *Я спросила: как там ложится, в этой барокамере?* (М.Палей, Кабирия с Обводного канала). Ср. также примеры типа: «Что значит с тобой? Ты что, Парис?! *Тебе дома плохо сидится?!*» (А.Зорич, Карл, герцог); «*И как сидится дома?*» – «*Плохо сидится*, сил уже нет. Очень хочется куда-нибудь поехать» (Учительская газета); *Лобан думает в движении, ему не ложится и плохо сидится...* (Б.Г.Штерн, Вперед, конюшня!); Спокойно смотреть на издевательства чиновников различного калибра над «малышами» может только тот, *кому хорошо сидится дома под пледом...* (Видеоблог Дмитрия Медведева); *Спальня же несет печать личности романтической хозяйки, здесь царят бордо и приглушенный свет, здесь хорошо ложится с книжкой* (журн. Домовой); А вокруг окопа вскоре соберется многонациональный контингент миротворческих сил ООН и компания журналистов-стервятников, с интересом выпрашивающих у заминированного солдата, *удобно ли ему ложится* (А.Медведев, Займемся войной); *В такие минуты хорошо стоит в строю* (А.Покровский, ...Расстрелять).

В первой половине XIX века широко распространены были конструкции с рефлексивными предикатами, образованными от основ глаголов совершенного вида прошедшего и будущего времени. У Даля: *Не пожилось ему у нас*, неудача, или недолго пожил; *Пожилось Ермаку – по три чирья на боку!*; *Как-то еще нам поживется на новом месте*; *Без греха не проживется*, нельзя прожить; *Каково <...> вчера поигралось?* удачно ли, выиграли ль; *Каково вам поездилось?*; *Каково кому послужится: иному служба мать, иному мачеха*; *Хорошо поелось*, с охотой, в охотку, вкусно и сытно; *Как опочилось?* Хорошо ли спали?; *Не постряпалось мне сегодня*, стряпня неудачна; *Неудачно тебе (или у тебя) солгалось*, <...> нескладно

² «Свидетельством фраземности *не сидится*, *не стоит* является невозможность замены отрицания оценочными атрибутами типа *хорошо*, *плохо*, *отлично* и т.п.; ср. **И чего тебе плохо сидится?*, **Ему хорошо стоялось на месте*» [Апресян 2006: 38].

солгано; *Неловко спрыгнулось, спрянулось*, <...> неудачно соскочил, напр. с дрожек. Впоследствии в связи с общими тенденциями в развитии системы русского синтаксиса (активизацией построений с невозвратными глаголами, интенсивным процессом переосмысления пассивных конструкций со страдательными глаголами на *-ся* в активные со значением средневозвратным или общевозвратным, резким сокращением и архаизацией страдательных конструкций с рефлексивными глаголами совершенного вида [см. Шведова 1964]) количество таких употреблений в литературных текстах сокращалось. Однако и в современном языке возможны употребления типа следующих: Но то ли климат полуострова не подошел старику, то ли сноха не ласково встретила, только не задержался он у сына. *Не пожилось ему и в семье второго ребенка в Санкт-Петербурге* (Т.Багина, А старость пусть подождет); «На поезде ехал, – с неудовольствием вспомнил Женька. – И вот дернул же черт именно тут спрыгнуть». – «Это верно, черт и дернул... – зубасто усмехнулся Нарси. – *А в других местах тебе и не спрыгнулось бы*» (О.Севостьянов, Я хочу быть таким, как ты).

2. Достаточно частотными были в конце XVIII – первой половины XIX века и рефлексивные имперсональные конструкции, подчеркивающие независимость ситуации от воли субъекта. Сюда входили, в частности, структуры, образованные от основ глаголов со значением физических и физиологических состояний и их проявлений. В словаре Даля: *Неволею стонется; Что-то ему ныне все хворается; Что-то хилеется, неможется, нездоровится; Тебе мечтается, бредишь; Мне мерзнется*. Конструкции с возвратными дериватами глаголов типа *икать, зевать* еще более усиливали значение произвольности и неподконтрольности ситуации: *Мне икается или ичется, я икаю, не могу удержаться; Чтоб ему на том свете икалось!; Кому икается, тот поминается; Что-то чихается; Что-то зевается; На правду чихается, на сон позевается; Напомин позевывается, знать наши дома спать ложатся!; И хлеба еще во рту не было, а редькой рыгается; Мне отрыгается*. Семантически эти и подобные построения трудно подвести под определение, предложенное в [Апресян 2006], хотя для их образования используется та же языковая техника, причем в отдельных случаях даже сохраняется позиция для оценочного компонента. См. пример из [Шведова 1964: 274]: *Чарову тяжело зевалось* (А.Ф.Вельтман); ср. достаточно распространенное современное *сладко зевается: Но под этим солнцем так сладко зевается*, и, прикрывая рот, я оглядываюсь... (Т.Лапшина, Цветы). Частотными были и конструкции с рефлексивными глаголами, образованными от основ глаголов совершенного вида. У Даля: *Икнулось, по добру ли вспомнялось?; Икнулось тебе, знать кто-то позавидовал куску; Ему взыкалось; Что-то кашлянулось* <...> перхота вынудила кашлянуть; *Взрыгнулось вдруг; С чего тебе некстати позевалось?* вдруг зевнулось. Ср. в современном языке: *Икнулось ли в этот момент писателю Гулькину* – доподлинно не известно. *Зато икнулось, и сильно, в то утро Герману Шульцу...* (С.Ф.Чевгун, Повесть провальная); И он уже начал задыхаться и пугаться задыхания, *когда наконец зевнулось* (В.Конечкий, Вчерашние заботы).

Состав глаголов совершенного вида, основы которых использовались при образовании конструкций рефлексивного имперсонала со значением результативных состояний, каузированных независимым от воли субъекта событием, был очень широк. См. у Даля: *Набрелось на пенёк; Не туда захалось*, не туда попал, угодил, так случилось; *Рано всталось, да мало наткалось; И рано всталось, да мало наскалось; Умрется, так все минётся!; Перетужится, и горе переможется* и под. Ср. современные примеры: *В Пицунде, правда, набрелось только на странное здание магазина...* (Путевые заметки, сайт askme.ru); «Как отдыхается?» – спросил он. – «Нормально. *Всталось только что*» (В.Богушев, Жанна); И утешится снова сердеченко На плече, что по-прежнему дорого. *Перемелется... Перетужится...* (О.Александрова, Плач) и под.

3. Конструкции рефлексивного имперсонала без оценочного наречия широко употреблялись также со значением физической или психической возможности, способности субъекта к чему-либо. Даль фиксирует следующие неотрицательные построения: *Пищи, покуда пищится, покуда можетя; Шуми, покуда шумится: осядешься, так смолкнешь; Щебечи, пока тебе щебечется!; Болтай, поколь болтается; Леци, поколе лецится* («лецать, ляскать <...> резко и без умолку говорить»); *Спи, кому спится*, кто может; *Ешь, поколе естся* и под. Ср. также известное: *Люби, покуда любитя, Терпи, покуда терпится, Прощай, пока прощается*, И – бог тебе судья! (Некрасов, Зеленый Шум). Эта модальная семантика, как видно из примеров, возникала при использовании рефлексивного глагола в составе зависимой предикации.

Широко употреблялись в рассматриваемый период отрицательные конструкции, выражающие значение неспособности субъекта к чему-либо, невозможности совершить действие. Производящими для рефлексивного предиката служили основы глаголов, обозначающих не только деятельности и процессы, но и действия, причем образование данных конструкций от основ глаголов со значением действий было особенно продуктивным. Приведем материал словаря Даля с толкованиями автора: *Безногому не встается* <...> не может встать; *Хромому не прыгается*, нельзя; *Бескрылому не летается*, нельзя летать; *Не прискакивается ему*, нельзя, не может прискочить; *Что-то не подскакивается*, нельзя, не могу подскакивать, прыгать; *Не заскакавается* <...> нельзя; *Не перескакивается что-то*, не могу, нельзя перескочить; *Лезь в гору! Да не лезется*, нельзя; *Не залезается* <...> нельзя залезть; *Что-то не проползается*, не проползешь, нельзя; *Не заползается* <...> нельзя заползти; *Не подходитья*, нельзя подойти, ни приступить; *И рад бы перешел, да не переходится; Отлетел бы домой, да не отлетается* <...> нельзя; *На это не отвечається*, нельзя или неловко ответить; *Без голосу не кричится* <...> нельзя кричать; *Не зевается, не кричится*, нет голосу; *Без голосу не зыкается*, громко не закричишь; *Не каркается* <...> не кричится по-вороньи, нельзя или нет голосу; *На морозе не чмокается и не птрукается; Не порхається*, нельзя, не дают порхать; *Не глядится что-то*, глаза тупы, нельзя глядеть или видеть; *В холерный год и лягушкам не квакалось*, они немели.

Конструкции с мотивирующим обстоятельством типа *Без голосу не кричится; На морозе не чмокается и не птрукается* очень близки к субъектному имперсоналу, отличаясь от него лишь предполагаемой позицией дательного субъекта.

Общее значение невозможности осуществить ситуацию сблизало с этими структурами конструкцию *Х-у не спится*. У Даля: *Богатому не спится, богатый вора боится; Я креститься – что не спится? погляжу, ан не ужинавши лежу!*; *Всю ночь не спалось мне*, не мог спать.

4. В плане сопоставления с предложениями типа (1) и (2), однако, особенно интересны конструкции с семантикой желания. Этот модальный смысл, судя по толкованиям Даля, были способны выражать структуры, уже описанные выше в составе других моделей. Следующие приводимые Далем предложения могли совмещать семантику желания с модальными значениями возможности, способности: *Что-то ему не кушается*, не хочет, либо не может есть; *Что-то не ужинается мне сегодня*, не могу, не хочу есть; *Свищи, поколе свищется*, поколе есть охота, возможность свистеть; *Пономарю что-то не звонится*, не хочется, не может или не умеет; *Не идетя*, не хочется или не может идти. Доказательством того, что семантика этих конструкций могла не включать пресуппозитивного компонента 'Х делает Р', может служить пример Даля: *Идите играть, побегайте*, – «что-то не бегаются», нет мочи, охоты.

Отдельные толкования указывают на наличие у приводимых конструкций только значения желания: *Мне поется, мне не поется*, хочется, не хочется петь; *Сегодня мне не нюхается*, не хочется нюхать; *Тебе-таки не молчитя*, не хочешь замолчать; *Не сидится тебе, ёрзается*, охота ёрзать. Очевидно, та же семантика характеризовала отрицательные и неотрицательные конструкции: *Голодному не модничается*; *Одинокому не чиликается*, не поется; *Видно, не куролесится ныне, притих молодец*; *Нынче им не чудесится*, не до того, или не дают воли; *Что-то бабе не трещится сегодня*, видно не в духе; *Не гуляется, коли есть нечего*; *Не мяукается котик к ненастью*; *Не мурлычется сегодня*; *Пожалуй, чирикай, кому чирикается!*; *Кому мелется, тот мели*. Ср. в НКРЯ: *Нехай плачет, кому плачется* (Н.С.Лесков, Житие одной бабы, 1863).

Как показывают примеры, предикаты подобных конструкций образовывались от глаголов со значением деятельности, занятий, поведения, процессов. Очевидно, можно было бы говорить о неточности или неполноте толкования, если бы не то обстоятельство, что рефлексивный имперсонал с имплицитным значением желания субъекта осуществить ситуацию не является для славянских языков чем-то исключительным.

Эталонным примером такой модели может служить болгарская конструкция *На мен ми се работи/ Работи ми се* 'Мне хочется работать', *На мен не ми се работи/ Не ми се работи* 'Мне не хочется работать', имплицитно выражающая модальность произвольного желания/ нежелания субъекта, его предрасположенности к определенному действию, процессу или состоянию.

В отличие от русской *Мне (хорошо) работается* болгарская конструкция *На мен ми се работи/ Работи ми се* не выражает пресуппозитивного

тивного смысла 'X делает Р' и не имеет позиции оценочного компонента (**На мен добре ми се работи*). Оценочный компонент может включать другая болгарская конструкция, а именно субъектный имперсонал, не имеющий позиции дательного субъекта: *Добре се работи с него* 'С ним хорошо работать', ср. невозможность включения субъекта: **Добре ми се работи с него*. Отметим также, что русским предложениям с оценочным компонентом и замещенной позицией дательного субъекта в болгарском языке соответствуют подлежащие конструкции, ср.: *Мне всегда как-то лучше работается за городом, в особенности весной* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита) – *Не знам защо, но винаги по ми върви работата извън града, особено пролетно време* (М.Булгаков, Майстора и Маргарита, перевод Л.Минковой).

Утверждение о том, что обусловленные значением предиката запреты на образование русских конструкций типа *Мне работается* и болгарских типа *Работи ми се* совпадают [Георгиев 1976: 21], неверно. Помимо некоторых общих для обоих языков запретов (см., например, невозможность или непродуктивность такого рода дериваций от исходных структур с реляционными глаголами типа рус. *принадлежать*, болг. *принадлежа*, рус. *превосходить*, болг. *превъзхождам*, рус. *ненавидеть*, болг. *мразя*, рус. *уважать*, болг. *уважавам*³; с «глаголами развития» типа рус. *расти*, болг. *раста*⁴, рус. *сохнуть*, болг. *съхна* [там же: 21-22]), в русском имеются связанные с глагольной семантикой ограничения, не известные болгарскому языку. О различиях в составе и объеме деривационной базы для русской и болгарской конструкций и связи этих различий с отсутствием у болгарской модели пресуппозитивного смысла 'X делает Р' говорится в работе [Иванова 2007]. Здесь мы отметим только, что в целом болгарская конструкция исключительно продуктивна. В отличие от русского в болгарском языке нет формального запрета на ее образование от исходных структур с возвратными глаголами⁵, от структур с переходным глаголом и выраженным семантическим объектом, ср.: *Той яде пържени картофи* 'Он ест жареную картошку' → *Ядат му се пържени картофи* 'Ему хочется жареной картошки'; *Той не слушаше тези песни* 'Он не слушал этих песен' → *Не му се слушаха тези песни* 'Ему не хотелось слушать этих пе-

³ Ср., однако, приемлемость болгарских бесподлежащих предложений с глаголами межличностных отношений (*Не ми се запознава с него* 'Мне не хочется с ним знакомиться').

⁴ Ср., однако, хоть и нечасто, но встречающиеся употребления типа современных: Ну, а может быть, он [мухомор] не растет, *Потому что ему не растется* (А.Вербников, Дедушка-мухомор); Искам да съм си на 10-11 години, *не ми се расте*.

⁵ См., впрочем, справедливое замечание Е.Ю.Ивановой о некатегоричности этого запрета [Иванова 2007]. Тем не менее, русские современные примеры типа «Громко музыка льется, Что-то мне не везет, *Что-то мне не смеется*, Что-то мне не живется» (из песен группы АССА) окказиональны и стилистически мотивированы. Ср. в первой половине XIX века: У меня здесь вовсе нет книг, а писать – так не пишется, *а шататься – так не шатается* (П.А.Вяземский) [пример из: Шведова 1964: 274].

сен'. В болгарском трансформе семантический объект переведен в позицию подлежащего. В такой конструкции (модальном пассиве) совмещается маркированное дательным падежом субъекта значение независимости состояния лица от его воли со значением пассива.

Возвращаясь к русским примерам, иллюстрирующим использование в середине XIX века конструкций рефлексивного имперсонала со значением желания, еще раз подчеркнем, что это был период интенсивного формирования новых синтаксических моделей, проверки их выразительных возможностей, перегруппировок и упорядочения единиц русской грамматической системы. Для таких периодов неоднозначность синтаксической модели и диффузность ее семантики очень характерны. Толкования Даля являются хорошей иллюстрацией того факта, что в XIX веке описываемая конструкция могла синкретично выражать близкие значения «внутренней предрасположенности к действию», желания его совершить, возможности и способности это сделать. Процессы нормализации, устраняющие неоднозначность модели и «привязывающие» значение к форме, на конструкции *Мне (хорошо) работается* каким-то существенным образом, однако, не отразились. И в наши дни она продолжает создавать проблемы для описывающих ее лингвистов.

Так, современные предложения без оценочного компонента могут не содержать пресуппозитивного смысла 'X делает P' и, подобно болгарским конструкциям, выражать семантику желания. См. пример из НКРЯ: ...девочка станет взрослой и начнет жить взрослой жизнью: выйдет замуж, будет читать серьезные книги, <...> смеяться, когда не смешно, краснеть, когда стыдно, плакать, когда плачется... (С.Соколов, Школа для дураков). По наблюдениям Е.Ю.Ивановой, при образовании таких конструкций могут использоваться основы некоторых глаголов со значением неконтролируемых физиологических процессов и эмоциональных состояний [Иванова 2007]. Круг производящих глаголов, очевидно, еще шире. Ср.: Спасибо за то, что не забываете. *А я не пишу, т.к. пока не пишется*. Жаловаться не люблю. Предпочитаю помолчать (форум сайта kazakh.ru).

5. Русская литература XIX века содержит многочисленные примеры использования еще одной конструкции славянского рефлексивного имперсонала – так называемого субъектного имперсонала (понятие введено А.А.Холодовичем, описание см. в [Плунгян 2003: 218-219]). Представим эту конструкцию на материале болгарского языка, в котором она стилистически нейтральна и чрезвычайно широко употребительна.

В болгарском языке субъектный имперсонал является, пожалуй, самым удобным и распространенным способом выражения обобщенного или неопределенного субъекта. В этой конструкции позиция семантического субъекта отсутствует, глагол имеет возвратную клитику *се*: *На този ден не се пее* 'В этот день не поют' (букв. 'В этот день не поется'). Ср. неграмматичность построения с агентивным дополнением: **На този ден от никой* ('никем') *не се пее*. Появление дательного падежа экспериенцера разрушает конструкцию, заменяя ее описанной выше структурой с модальностью желания: *На този ден не ми се пее* 'В этот день мне не хочется петь'.

При образовании субъектного имперсонала от исходных структур с транзитивными глаголами прямой объект не продвигается в позицию подлежащего, как при образовании пассива, а, имея предельно низкий коммуникативный ранг, уходит со сцены вместе с субъектом. В отсутствии контролирующего согласование подлежащего глагольный предикат принимает безличную форму 3 лица ед. числа. Ср.: *Вноските се плащат по банков път* (безагенсный пассив) 'Платежи осуществляются через банк' – *Плаща се по банков път* (имперсонал) букв. 'Платится через банк'.

Таким образом, назначение субъектного имперсонала – не характерное для залоговых противопоставлений конвертирование ориентации процесса, а устранение из поверхностной синтаксической структуры его участников. Оказавшиеся за кадром субъект непереходного глагола, а также субъект и объект глагола переходного воспринимаются как участники референциально обобщенные или неопределенные.

Исходными для предикатов имперсональных конструкций являются глаголы с одушевленным субъектом, как правило лицом. Большую часть таких глаголов характеризуют значения *занятие, деятельность и действие*. Основы глаголов со значением *состояний, процессов и происшествий* используются для образования конструкции субъектного имперсонала реже [см. Градинарова 2007]. При безусловном преобладании несовершенновидовых глагольных форм в конструкциях субъектного имперсонала используются и формы совершенного вида: *На вратата се почука* 'В дверь постучали'.

Характерные для данной конструкции значения поддерживаются семантикой обстоятельств. Так, обстоятельство места, вопросительное или относительное *как* в роли обстоятельства образа действия способствуют выражению референциальной обобщенности субъекта и значений деонтической модальности ('обязательно', 'необходимо', 'разрешено', 'запрещено', 'можно', 'принято', 'должно' и под.): *Тук не се пуши* 'Здесь не курят'; *Тя няма представа как се ходи на среци и как се флиртува* 'Она не имеет представления о том, как ходят на свидания и как флиртуют'.

Болгарским предложениям с формой субъектного имперсонала в функции сказуемого и значением неопределенного или обобщенного субъекта в современном русском языке соответствуют бесподлежащие структуры с глаголом-сказуемым в форме 3 лица мн. числа настоящего времени/ мн. числа прошедшего времени. Как известно, это русские конструкции, специализированные на выражении неопределенно-личных и обобщенно-личных значений. Ср. современную русскую и болгарскую стратегию кодирования одних и тех же ситуаций в оригинальных произведениях и их переводах: *На самом деле, конечно, жених был известен заранее, а на состязании главным образом жрали и пили* (В.Пелевин, Греческий вариант) – *Всѣщност, разбира се, женихът е бил известен отпреди, а на състезанието главно се е яло и пило* (В.Пелевин, Гръцки вариант, перевод И.Попова).

Болгарский язык тоже располагает так называемыми неопределенно-личными предложениями. Однако из-за широкого распространения субъект-

ектного имперсонала и пассива сфера их использования уже, чем в русском языке.

В зависимости от контекста болгарский субъектный имперсонал способен имплицитно выражать модальность возможности/ невозможности, способности/ неспособности: Въздухът стана пак горещ и тежък, *не се диша* (С.Иванов, Там, където вали дъжд) ‘Воздух опять стал горячим и тяжелым, нельзя дышать (букв. ‘не дышится’)’. Ср. в этой связи описанные выше русские конструкции типа *Люби, покуда любится, Терпи, покуда терпится*, имеющие, однако, позицию дательного субъекта.

В предложениях типа *Лесно се работи, когато хората знаят какво искат* (И.Флорин) ‘Работа идет легко, когда люди знают, чего они хотят’ оценочное наречие характеризует протекание процесса, а не состояние субъекта, позиции которого конструкция не имеет. Близкие русские структуры *Легко работается* и *Легко работать* не эквивалентны болгарской по причине наличия в них позиции экспериенцера.

Вернемся к примерам использования русского субъектного имперсонала в языке XIX века. Материал словаря Даля свидетельствует о том, что деривационная база для производства этих конструкций в русском была так же широка, как и в современном болгарском языке. Для русских построений так же были характерны модальные значения ‘должно’, ‘необходимо’, ‘разрешено’, ‘запрещено’, ‘принято’ и под. Приведем некоторые примеры с толкованиями Даля: *В наши времена не кутится*, нельзя кутить или нет охоты; *Здесь не плутуется* <...> никто не плутует, и нельзя плутовать; *Тут не топается*, нельзя; *В этом деле не прекословится*, и спорить нельзя; *По грязи не маршируется*, нельзя маршировать; *Заходится* <...> заходят, должно заходить. *В таком-то случае заходится правым крылом (флангом)*; *В этом случае всегда откозыривается*, так водится, требуется игрой; *Заезжаются* <...> *заезжается справа, слева*, заезжают, надо заезжать.

Очень характерным и показательным является толкование таких конструкций посредством неопределенно-личных структур: *За рабочими строго надзирается*, за ними смотрят или есть надзор; *За ним следится*, следят; *Будь осторожен: за нами примечается*, примечают; *За ним строго подзирается*, тайно следят; *Ему светится лучиной*, светят; *Ему во всем потакается*, потакают; *Ему, кажись, по силам угождается*, угождают, стараются угодить; *Мне надокучается*, надокучают; *Не всякому актеру плещется*, плещут; *У вас так пылится по утрам* (пылят), что сидеть нельзя; *В правом суде никому не норовится*, не норовят; *Во время службы кадится по уставу*, т.е. кадят; *Завидуется* <...> Завидуют. Ср. также толкование конструкцией с неопределенным местоимением: *Часто запаздывается*, кто-либо запаздывает.

Дательный в этой конструкции – падеж адресата. См. примеры выше, а также: *Нашему брату во всем отказывается*; *Ему подсобляется миром*; *Этим мне крепко надосаждается*.

Для того чтобы показать продуктивность русского субъектного имперсонала в языке XIX века, приведем еще примеры из словаря Даля: *Всякому помогается по нужде*; *Воршиек-то бьют, а коренным ворам по-*

творствуется; С ними поступает не по-должному; Невольниками в Азии помыкается, как скотом; На это плюется; На этом настаивается сверху; На ум не смотрится, были бы деньги; Наглядывается ли за землянками, надсматривается ли?; Над этим делом вовсе не насматривается; За это-то и пеняется ему; У нас присягается и государю, и наследнику; Под старость хиреется; Под старость не моргается, гов. о волокитстве; Зимой как-то всегда опаздывается; Иногда лжется; Поется там, где и воля, и холя, и доля; Где пьется, там и поется; Где льется (где через край льется), там и живется; В радости ликуется, в горе плачется; К пиву едется, а к слову молвится. Ср. также конструкции с глагольной формой совершенного вида: Не отмицай, не отместится и тебе; С вами поступится по законам.

Особо остановимся на конструкциях, предикаты которых образованы от основ глаголов речемыслительного действия, валентных на делибератив. У Даля: *Об этом не просится*, никто не просит, или нельзя просить; *Об этом давно клянчится*, клянчат; *О чем у вас рассуждается?* о чем толкуете?; *Сумеречничая, тарабарится*, беседуется о пустяках; *О сем объявляется для всеобщего и всенародного сведенья*; *Об этом напоминается тебе в последний*; *Тут о чем-то намекается*, идут намеки; *Об этом деле судится различно*; *Иногда по внешности заключается и о сущности*; *Мало ли о чем мудрствуется*.

Что касается современных употреблений типа *В книге говорится о...*; *В статье сообщается о...*; *В романе рассказывается о...* и т.п., то среди исследователей нет единого мнения по вопросу о том, какую модель представляют подобные структуры. Так, В.А.Плунгян считает, что предложение *В инструкции сообщалось о правилах обращения с пейджерами* служит примером использования так называемого ленивого (или неполного) пассива – редкой для русского языка конструкции [Плунгян 2003: 202-203]. Е.В.Падучева видит в конструкции *сообщается о потерях* безагентный пассив. По ее мнению, одной из возможных трактовок такого построения является его возведение к агентивному пассиву: *сообщается (кем-то) о потерях*. Субъектный актант пропадает в результате трансформации «опущение неспецифицированного агенса» [Падучева 2004: 61].

Нам же представляется, что в структурном отношении эти построения не отличаются от типичных конструкций субъектного имперсонала. Ср. современные болгарские предложения, построенные по этой модели: *В книгата се говори за слабостите на човешкия род* (Дж.Суифт, Пътешествията на Гъливър, перевод Т. и Б. Атанасовых) ‘В книге говорится о слабостях рода человеческого’; *В знаменитата приказка на Шарл Перо се разказва за един забележителен котарак, който ловял зайци...* (В.Йонев, История на Британска късокосместа котка) ‘В знаменитой сказке Шарля Перро рассказывается о замечательном коте, который ловил зайцев’.

На судьбу субъектного имперсонала в русском языке, несомненно, повлияли процессы «смещения значений, которые происходили в возвратном глаголе» [Шведова 1964: 191] на протяжении всего XIX столетия, ак-

тивизация структур с невозвратным глаголом, в том числе и неопределенно-личных. Конкуренция с неопределенно-личной моделью привела к архаизации конструкций русского субъектного имперсонала.

6. Таким образом, языковой материал середины XIX века свидетельствует о том, что в этот период русский рефлексивный имперсонал был перегружен значениями. Процессы семантической специализации конструкций привели к выходу из употребления структур субъектного имперсонала. Потеряв эту модель, русский язык тем не менее сохраняет некоторые следы ее былой активности. Имперсонал с рефлексивным предикатом и дательным субъекта не претерпел каких-либо существенных изменений. И в современном языке эта общая модель продолжает оставаться семантически емкой, способной выражать различные, хотя и близкие значения предрасположенности к действию, желания его совершить, физической и психической возможности и способности субъекта осуществить ситуацию. К этим значениям прибавляется и семантика успешности/ неуспешности действия, что еще более увеличивает проблемы формального описания модели. Разграничение в составе общей структуры отдельных конструкций, опирающееся на отнесенность их предикатов к определенным таксономическим категориям, может встречать сопротивление языкового материала. Сопоставления с конструкциями родственного болгарского языка, как кажется, помогают лучше понять специфику русской модели. Так, например, оказывается, что значения, выражаемые русской конструкцией *Мне (хорошо) работается*, в болгарском языке распределяются между различными формальными структурами.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян 2006 – *Апресян Ю.Д.* Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Буслаев 1959 – *Буслаев Ф.И.* Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959.
- Георгиев 1976 – *Георгиев И.С.* Безличные предложения в русском и болгарском языках (сопоставительно-типологическое исследование). Автореферат дис... канд. филол. наук. Велико Тырново, 1976.
- Градинарова 2007 – *Градинарова А.* Болгарский субъектный имперсонал и его русские функциональные соответствия // *Acta Linguistica*. Vol. I. Sofia: Eurasia Academic Publishers, 2007. No. 1.
- Даль 1978 – *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка, тт. 1-4. М., 1978 (репринт второго издания, СПб., 1880 - 1882).
- Иванова 2007 – *Иванова Е.Ю.* Уникальна ли русская конструкция *Мне не работается?* (или О чрезмерном усердии в поисках национально-языковой специфики) // *Филология и человек*. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета, 2007. № 3.
- Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Плунгян 2003 – *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2003.

Шведова 1964 – *Шведова Н.Ю.* Изменения в системе безличных предложений // Изменения в системе простого и осложненного предложения в русском литературном языке XIX века. М.: Наука, 1964.